

Кап-кап..!

Кап-кап..!

Внезапно раздался звук падающей воды.

Это не было воображением.

Звук доносился из реальности, прямо из-под самого носа.

Се Шэн поднял голову.

Потолок удобного магазина исчез, а на его месте простиралось глубокое море.

Не синее и не прозрачное, а густое.

Тёмное, как чернила, бездонное для взгляда.

Но вода была очень чистой.

Эта чистота заключалась не в цвете, а в ощущении — ощущении, исходящем из самой глубины души.

Это было как раз то, чего Се Шэн желал прямо сейчас больше всего на свете.

Как же хочется помыться.

Стоит только шагнуть туда, и вся эта грязь, шевеление, запахи и тактильные ощущения будут смыты.

Как же хочется помыться как же хочется помыться как же хочется помыться.

Поверхность моря слегка вздымалась и опадала, морская вода плескалась о пол всего в нескольких сантиметрах от ног Се Шэна.

Прилив подступал, отступал и снова накатывал.

Словно беззвучно зазывая к себе.

Нога Се Шэна шагнула на полшага вперёд.

Морская вода слегка коснулась носка его обуви, и в тот же миг духовное очищение наполнило всё тело Се Шэна — он от удовольствия прищурил глаза.

Иди помойся.

Голос проник в самое сердце.

Иди помойся иди помойся иди помойся иди помойся иди мыться иди мыться.

Се Шэн поднял ногу, собираясь сделать ещё один большой шаг.

«— Дзинь!»

«— Спасибо за покупку!»

Внезапно сквозь наслоения и сплетения шепота во всех чувствах ни с того ни с сего вырвался этот звонкий «дзинь», и Се Шэн в одно мгновение очнулся.

Сука!

Он совершенно не заметил, когда именно погрузился в психическое заражение.

Ещё бы немного, действительно оставалась какая-то малость, и он бы пропал.

От этой аномальной области просто невозможно уберечься.

Се Шэн поднял взгляд: в поле зрения по-прежнему оставался скриншот удобного магазина. Он помялся, но так и не осмелился посмотреть, чем же на самом деле являлась та область «глубокого моря», в которую он едва не шагнул.

Неужели это было то самое бездонное чёрное море за холодильной витриной, где плавали щупальца, призрачные лица и гигантские медлительные тени?

Се Шэн не смел вдаваться в подробности и тут же выбросил эти мысли из головы.

Но даже при этом запоздалый страх от балансирования на грани смерти чуть не поглотил Се Шэна, едва не втянув его в новый виток психического заражения.

Се Шэн зажмурился, сдерживая внутренний испуг, и продолжил шагать к сенсорным дверям.

— Дзинь — добро пожаловать!

В то же мгновение.

Словно после мягкого ковра шаг ступил на твёрдый пол, в ушах резко стало тихо, а воздух очистился и посвежел.

Се Шэн отключил способность.

Всё перед глазами вернулось в норму.

Он стоял у дверей «Полуночного магазина» и впервые почувствовал, что этот непроглядно-тёмный завод, где пахнут как волны, до того родной.

Се Шэн перевел дух, сам не заметив, как холодный пот уже пропитал воротник, а по спине пробежал холодок за холодком.

Он опустил взгляд.

Не перепутал.

В правой руке он держал изысканный и аппетитный черничный торт.

Тёмно-фиолетовый джем плавно стекал по боковой стороне, застывая на белом креме узорами, подобными переливам света, а сверху украшением служили несколько крупных ягод черники.

Се Шэн тихо издал лёгкий смешок.

В описании GEMA по [очищению] аномальных областей сказано: когда аномалия осознаёт, что

одаренный пытается очистить её, она предпринимает ответную попытку подвергнуть одаренного психическому заражению или эмоциональной отдаче.

Раз уж он столкнулся со смертельным психическим заражением, это с неизбежностью доказывало — он взял то, что нужно.

Этот торт стоил немало, стоял на самом видном месте в холодильной витрине и был подсвечен мягкой белой светодиодной лентой — Се Шэн в первый день, когда покупал сырный торт, даже обратил внимание на его рекламный слоган.

Неизвестно, списались ли деньги со счёта в «Магазине дневного света», но сейчас у него «денег» было предостаточно.

Се Шэн очень терпеливо подождал, пока Жэнь Цинцин поработает, и, когда она рассчитала следующего покупателя, подошёл ближе.

[Вечер 2 февраля 2025 года]

[Дядя Ван спросил у меня есть ли у меня завтра вечером свободное время я сказала есть поэтому хоть я и умерла я всё равно пришла пораньше]

[Я услышала зачем он откладывает деньги]

Дата этой последней записи в дневнике была [Вечер 2 февраля 2025 года].

По отчёту GEMA, Жэнь Цинцин умерла ранним утром 2 февраля.

Значит, эта страница не была написана её собственной рукой при жизни — её написала аномалия, в которую она превратилась после смерти, основываясь на её самом главном ослепляющем желании.

[Переход: Меры предосторожности при очищении аномальной области]

[Аномалии, связанные с людьми, в большинстве своём рождаются из предметов, бывших очень важными при их жизни. Эти предметы несут в себе самые глубокие эмоции «человека» при жизни: тоску, ненависть, привязанность, сожаление, скорбь и прочее, и при накоплении до критической точки вступают в резонанс с соответствующими воспоминаниями, тем самым трансформируясь в аномалию.]

[Если одаренный успешно исполнит/восполнит/очистит ключевое ослепляющее желание, предсмертную волю или неразрешённую эмоцию до момента трансформирования аномалии, область прекратит своё существование естественным образом.]

Выполнив условия прохождения, в тот самый момент, когда он уже собирался выйти из «Полуночного магазина», Се Шэн внезапно осознал одну вещь...

Жэнь Цинцин никогда не была из тех людей, что ропщут на судьбу и винят других.

Она усердно училась, а после выпуска всем сердцем думала о том, как выплатить долги родителей.

Видя дядю Вана, она подсознательно вспоминала собственного отца, поэтому сочувствовала ему, искала для него способы, сэкономила для него три юаня, даже потеряв из-за этого работу в ночную смену.

Даже так в дневнике она не срывала злость на дяде Ване.

К тому же аномалия уже убила четверых рабочих, включая дядю Вана — «мечь» явно не была её предсмертной волей.

Каково же было самое главное ослепляющее желание такой девушки при жизни?

Пока Се Шэн не увидел ту последнюю страницу дневника...

[Дядя Ван так гордо и радостно рассказывал своему коллеге что хочет купить очень дорогую вещь]

[Очень-очень дорогую если бы не та ночная продавщица из магазина он бы вообще не осмелился купить и о таком бы и не подумал]

[Что за что за очень дорогая вещь я ради того чтобы сэкономить ему деньги потеряла работу с какой стати он всё равно покупает дорогие вещи с какой стати попирает мою доброту]

[Я ведь хотела помочь ему почему когда я помогаю другим не получаю взаимности да ещё и потеряла работу]

[У меня всегда так сама без гроша а смотреть как другие страдают не могу]

В дневнике, написанном «аномалией», не было ненависти к рабочим из-за гибели на стройке.

Были лишь снова и снова подавляемые, непрерывно задаваемые самой себе эмоции.

Обида.

Непонимание.

Она не могла понять, почему те несколько юаней, что она изо всех сил сэкономила для него, были так легко потрачены на «очень-очень дорогую» вещь.

Она не винила его, а винила лишь себя — почему она всегда такая.

Сама без гроша и без нормальной работы, но всё равно не может удержаться, чтобы не взять на себя чужие страдания.

Её собственная жизнь была полным развалом, но она всё равно цеплялась за эту «смешную», «бессмысленную» доброту.

Её ослепляющим желанием никогда не была ненависть.

А лишь та самая капля...

Обманутой доброты.

Се Шэн положил черничный торт перед ней.

Он не хотел читать нотации о том, что не стоит пренебрегать малыми добрыми делами, что отданная роза оставляет аромат на руках, что доброта обязательно имеет смысл.

Он сказал:

— Это подарок на день рождения, на который дядя Ван всё время откладывал деньги, чтобы подарить тебе. Он дорогой, действительно очень дорогой. Если бы не желание устроить праздник для такой доброй тебя, он бы вообще не осмелился купить, даже и не подумал бы о такой «роскоши». Но дядя Ван знал, что тебе нравится черника. Дядя Ван тоже всегда знал, что ты помогаешь ему, и был очень благодарен тебе.

Днём третьего дня Се Шэн слышал, как кто-то говорил продавщице дневной смены:

«Сяюй, у неё ведь скоро день рождения? Я в последнее время так занят, сдаём объекты в сроки, но и халтурить нельзя, надо отвечать перед людьми, вот и нет времени сходить в другое место за подарком. Торт с каким вкусом ей нравится, есть у вас такие?»

«Есть! Рекомендую новый черничный торт! Ей очень нравятся всякие вкусности со вкусом черники, но она говорила мне, что черника слишком дорогая, ей не по карману, она её уже давно не ела».

Вечером четвёртого дня рабочий сказал Се Шэну, то есть сотруднику ночной смены Жэнь Цинцин:

«Спасибо, я знаю, что ты всё время помогаешь мне».

Торт, сложенный из трёхюаневых монеток, он в конце концов так и не смог подарить.

Это была его предсмертная вещь.

Но разве она не была и её предсмертной вещью?

Се Шэн зажжёт свечу:

— С днём рождения.

Вглядываясь в сложенные вместе, но всё ещё сохранявшие раздавленное состояние после гибели черты лица девушки, он нажал [Ctrl+T].

В свете свечи перед ним появилась миловидная, нежная девушка в школьной форме.

Белая рубашка аккуратно выглажена, школьный значок слегка мерцает на груди.

Это была полная юношеского задора, яркая, ослепительная и исполненная безграничных надежд на будущее Жэнь Цинцин.

Оказывается, [Ctrl+T] «преображает» аномалию до самого прекрасного момента при жизни.

Всего три юаня.

Всего три юаня.

<http://bllate.org/book/20635/2066668>